

С.П. Рубе

Самость

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Рубе
Самость

«Автор»

2026

Рубе С. П.

Самость / С. П. Рубе — «Автор», 2026

Однажды каждый проходит через этап увеличения нагрузки и образования бассейна либидо. Кто такие подростки и какие у них проблемы? Чем отличаются подростковые отношения от взрослых? Что такое баланс любви и как его найти?

© Рубе С. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Выходные данные.	5
Самость.	6
Часть 1. Первичный процесс – воображаемая самость.	9
Часть 2. Вторичный процесс – символическая самость.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Рубе

Самость

Выходные данные.

Редакция I
12 июля 2026 года, Петропавловск
Мобильная версия издания на ЛитРес
Рубе Сергей Петрович

Самость.

В «Введении в психоанализ» мы определили, что на генитальной стадии либидо происходит качественное превращение объекта в субъекта: появляется инициатива субъекта, выражаемая нежностью и заботой – миражами любви, драпирующими удачный половой акт, и эта инициатива является восприятием существования или реальности партнёра, потому что выливается в требование признания от партнёра, то есть объекта, что согласно диалектике Господина и Раба и есть признание объекта в качестве субъекта.

И таким образом мы сразу пришли к проблеме восприятия другого, задаваемой самостью, и начнём с определения самости.

Самость, будучи узлом присоединения символического к воображаемому, является органом восприятия другого.

Самость есть моё требование самостоятельности от другого, проявляющееся в межличностном отношении.

Самость, сам, самостоятельность придаёт объекту самостоятельность, субъектность, и на генитальной стадии либидо без самости невозможно существование объекта, в следствии чего отсутствует возможность сжигания либидо.

Самость является необходимым условием появления либидо и достаточным условием его сжигания, и зачаровывающая речь является носителем самости.

В условии сжигания либидо и понимания функции самости проложим путь к счастью: где предвестник счастья – наслаждение является функцией, зависящей от наличия объектов, тогда как основа счастья – радость может быть только от других субъектов.

Самость есть суть либидо, посредством самости мы узнаём либидо вне акта совокупления. И поскольку речь является носителем самости, то как и скипетр, символ либидо в акте совокупления, разделяющий людей на мужчин и женщин, так и самость, хоть и присуща и мужчинам, и женщинам, разделяет людей по степени прохождения Эдипова комплекса (образованности), начиная от его неприятия – отсутствия простейшего умения говорить – определения сумасшествия, дурки и заканчивая прохождением Эдипова комплекса в любом смысле – полноценной степенью взросления, характеризуемой полнотой речи.

Самость есть проявление самостоятельности в субъекте и орган восприятия другого.

Но достигнув генитальной стадии, мы постигаем: человеческий объект и мир в отличие от животного мира и объекта всегда субъектен. Выделение плохих среди объектов, которые по определению все хорошие, свойственно только человеку – у животного нет плохих объектов. Облом или фрустрация является доказательством существования самости до генитальной стадии.

Объектное отношение – это такое отношение, которое соединяет потребность с объектом, удовлетворяющим данную потребность, и тогда объект – это прежде всего объект удовлетворения.

Разделение объектов на хорошие, то есть обычные и плохие, вызывающие не просто неудовольствие, а облом, из-за которого следует наказать эти плохие объекты-субъекты, наглядно демонстрирует требование самости в объектах в любом возрасте.

Самость присутствует всегда! И нужна нам для того, чтобы сжигать либидо в телесной любви. Потому что либидо является энергией совокупления.

В подростковый период либидо должно прицепиться к сексуальным объектам, стать объектным либидо, что не получается у психов в клиническом смысле, оно цепляется у них к эго, сливаясь с Я-либидо и усиливая эгоизм, в результате на них не действует психоанализ, с другой стороны, невротики со своей извращённой формой сексуального удовлетворения, у которых либидо хоть и прицепилось к объектам, но движение к обладанию объектов у них происходит

лишь в фантазии, при излечении которых как раз и зародился психоанализ; поэтому в рамках психоанализа Libidoistebldo.

Сделаем тут остановку.

Теория либидо есть теория сжигания либидо: когда через посредство суммирования частичных треб и требований на первоначальном этапе удаётся или не удаётся сформировать, сложить желание, исполнение которого и приведёт к сжиганию либидо.

В этом и есть суть либидо – требование отвода! Посредством колебаний.

Когда мы говорим про психическую энергию взаимодействия с реальным, то говорим о принципе удовольствия – здесь нет ни движения, ни развития: захотел есть – поел, пить – попил из лужи, стало жарко на солнце – ушёл в тень, холодно – накинул плед на плечи; гомеостаз, Я-либидо – это энергия, которая «запас карман не тянет, сыт не просит, а придёт время – пригодится». Объектное либидо – другое дело – ржавеет без дела да, когда переполняет бассейн, усиленно давит на мозг: у мальчиков такое состояние в народе называется спермотоксикоз, у всех уотерiа, истерия. Жизнь есть движение – лозунг принципа смерти и его либидо.

Поэтому в обычной жизни либидо является жизненной силой, жизненной энергией до тех пор, пока горят костры инквизиции – пока нормально работает механизм утилизации либидо, когда тело сжигает всё созданное, наработанное либидо, условно, за единицу времени, например, за день: дневной остаток недожжённого либидо ночью связывается снами. Не повторяющимися. Если существует сновидение, то имело место вытеснение; повторяющийся сон – это клиника, не всегда, но как правило, потому что связывания либидо не произошло, и мы возвращаемся к сути либидо.

Однажды каждый проходит через этап увеличения нагрузки и образования бассейна либидо.

В период чувственности и романтики резко увеличивается нагрузка либидо, и оно накапливается и заполняет, условно, целый бассейн. И это либидо никакой жизненной силой не является, в этот момент либидо проявляет свою суть, являясь энергией близости, и только, – никакой сублимацией бассейн либидо не сжечь, организм требует совокупления, телесной любви и при отсутствии впадает в невроз.

И здесь мы подходим к термину удачный половой акт.

Удачным половым актом является только имеющее продолжение совокупление или такое, которое заканчивается смертью или физической немощью, препятствующей очередному совокуплению. Все остальные, одноразовые акты близости удачными не являются, и не являются они удачными из-за своей одноразовости, а одноразовые они по причине отсутствия взаимной любви. Практика показывает, случайными связями бассейн также не исчерпать.

Поэтому, чтобы быть защищёнными от неврозов из-за недожжённого либидо, людям и требуется любовь, а любви требуется самость.

Любви требуется самостоятельность.

Но в обычной жизни в период нормально усваиваемой нагрузки до образования чрезмерных излишек либидо, до заполнения бассейна мы принимаем точку зрения Юнга, опиравшегося на факт единственности либидо в качестве известных внутренних энергий человека, и считаем либидо жизненной энергией, которая и является энергией развития, а присутствие самости до генитального этапа подчёркивает развивающую, формирующую суть либидо: самость присутствует всегда и есть на всех этапах взросления, начиная с рождения, с образования первичного нарцизма на оральной стадии, когда о совокуплении, казалось бы, не идёт и речи.

Нарцизм является нагрузкой объектного либидо на собственное Я. Нарцизм есть либидное дополнение эгоизма.

Другим доказательством существования самости до генитальной стадии являются детские перверсии.

До наступления этапа генитальной нормализации, зачатки которой возникают вокруг Эдипова комплекса, ребёнок проходит целый ряд садистских фаз, связываемых с термином частичных треб. Таковы его первые любовно-садистские связи с миром. К этому зачаточному этапу и применяют понятие объектного отношения, которое рассматривают в ракурсе понятия облома.

Применимо ли понятие гомеостазного объектного отношения с отсутствием самости в феноменологии перверсии? Нет! Нет ни одной формы перверсивных проявлений, сама структура которых не опиралась бы в каждый конкретный момент переживания на двойственное самостное отношение.

Опирается, но тем не менее не реализуется в символической оси, развёртываясь исключительно в воображаемой.

Напомним топику Я: Оно – идеальное Я – Идеал Я – собственное Я, соотнесённую по символической и воображаемой осям: Оно – Сверх-Я и реальное Я – альтер-Я. Или Оно – Другой и Я – другой. Оно – идеал Я и собственное Я – идеальное Я.

Дабы понять двойственную структуру самости, разберём механизм восприятия другого – обнаружение момента присутствия другого на примерах воображаемой игры в опыте перверсии.

Часть 1. Первичный процесс – воображаемая самость.

Человек как объект исконно выделяется в поле моего опыта; он не уподобляется никакому воспринимаемому объекту, поскольку является объектом, взирающим на меня – низводящим меня из субъекта в объект. Но отставим в сторону подглядывание и обнажение, вуайеристское и эксгибиционистское отношение и удовольствие – здесь всё очевидно – в каждый конкретный момент другой, рассматриваемый мной или, наоборот, взирающий на меня, должен быть таким же субъектом как я – объектом, обладающим самостью.

Также оставим в сторону однополую подростковую позицию и возьмём в качестве примера садистское отношение (удовольствие), будь то его воображаемая форма или парадоксальная клиника.

Одно не оставляет здесь сомнений – садистское удовольствие сохраняется лишь постольку, поскольку другой находится ровно на той границе, где ещё сохраняется субъект. Если же останется лишь реагирующая плоть, своего рода моллюск, которого теребят за края, а тот только трепещет, – то больше уже не будет садистского удовольствия. Садист остановится тут, неожиданно столкнувшись с пустотой, зиянием, полостью. В действительности садистское отношение подразумевает причастность согласия партнёра (как и в случае неврозной речи мы снова сталкиваемся с разрешением) – на ограничение его свободы, на его признание властвования над ним, на его унижения. Доказательством тому служат так называемые мягкие формы садизма. Большинство садистских проявлений, оставаясь далекими от крайности, останавливаются, скорее, на пороге исполнения угроз – играя ожиданием, страхом другого, давлением, угрозой, наблюдая за более или менее тайными формами участия партнёра.

Многие думают, что агрессивность всегда выливается в агрессию, но это не так, агрессивность является всего-навсего пассивной агрессией и лишь в своём пределе заканчивается экзистенциальным актом, агрессией.

Подавляющее большинство клинических случаев, известных нам в качестве перверсий, остаются в плоскости только игрового исполнения. Здесь мы имеем дело отнюдь не с определённой объектной отношения – с субъектами, испытывающими потребность, которую может удовлетворить объект – здесь мы имеем то характерное именно для генитальной стадии измерение самости, в котором как раз и возникают сложные отношения к другому, превращающие совокупление в любовь. В мире игры восприятия другого каждый отождествляет себя с другим – субъект требует другого субъекта – субъект нуждается не просто в объекте, а именно в другом субъекте, в объекте-субъекте, и тогда самость предстаёт главным измерением.

Стыд и застенчивость, насмешки и обида, престиж и гордость, особый страх, порожаемый взглядом – всё это самость в опыте перверсий – опыте, буквально сотканном внутри регистра плоскости воображаемого.

В перверсивных проявлениях мы наблюдаем нюансы восприятия другого в воображаемом. Но нюансы эти крайне двойственны!

С одной стороны, мы имеем дурашливую несерьёзность игры в воображаемом, а с другой стороны, у этой игры понарошку вне перверсии самый настоящий результат в символическом, преобразующий играющих в неё.

В какой момент рождается человек? Когда человек становится человеческим? Это происходит тогда, когда он хоть сколько-нибудь вступает в символическое отношение. Символическое отношение является вечным. И не потому лишь, что оно требует в действительности наличия трёх лиц – оно вечно в том, что символ вводит третье, элемент опосредования – зов самости, определяющий места двух присутствующих персонажей, переводит их в другую плоскость и видоизменяет их.

Речь является опосредованием между субъектом и другим – речь подразумевает реализацию другого в самом опосредовании.

Часть 2. Вторичный процесс – символическая самость.

Человек как объект не уподобляется никакому воспринимаемому объекту, поскольку является объектом, взирающим на меня. И взирает он взглядом, который вовсе не совпадает с тем фактом, что я вижу его глаза. Я ведь могу чувствовать (вообразить), что на меня кто-то смотрит, хотя я и не вижу ни его глаз, ни даже его самого. Достаточно, чтобы нечто означало для меня возможность присутствия другого. Вот, например, окно или камера наблюдения: если немного стемнеет, и у меня будут причины думать, что за ними кто-нибудь есть, – они станут с тех пор взглядом. С того момента, как существует взгляд, я становлюсь уже чем-то другим, поскольку чувствую, что стал объектом для взгляда другого – и мне надо восстановить самость.

Но такое положение взаимно, и другой, когда он есть, так же знает, что я из субъекта под действием его взгляда превращаюсь в объект, но который знает, что его видят – он меня видит, и тем самым, меняю другого, в свою очередь низводя уже его из рассматривающего меня субъекта в объект моего размышления – затрагиваю его самость, не прикасаясь и даже не видя его.

Приведённый пример двойного взгляда прекрасно иллюстрирует двойственную область самости по причине захвата человека в ловушку побуждения – в требование признания.

Побуждение из воображаемой оси – зов самости, требует признания в речи символической оси, обмена в форме свободного соглашения, договора, реализуемого как «данное слово», благословляющего разрешением. Лишь будучи именованным перед лицом большого Другого желание становится признанным. Поэтому человеческому существу требуется опора по ту сторону языка в определённом договоре, обязательстве, которые конституируют его самого как большого Другого, включают в общую, или точнее, универсальную систему межчеловеческих символов. Поэтому в человеческом сообществе не может существовать функционально реализуемой любви иначе, чем через посредство определённого договора, и какова бы ни была его форма, такой договор всегда тяготеет вылиться в некоторую функцию одновременно внутри и вовне языка, функцию, находящуюся за пределами воображаемого отношения.

В двойственной зоне самости между воображаемым альтер-Я, телесным другим, идеальным Я и символическим сверх-Я, духовным Другим (большим), идеалом Я возникает область, где мы выделяем любовь и целый веер её форм-фиксаций, называемых отождествлениями или идентификацией.

Нам следует исходить из радикальной самости, из всецелого принятия одного субъекта другим, показанного нами на примере двойного взгляда, благодаря которому я вижу, что другой меня видит, а некто третий при этом видит меня увиденным. В самости объектного либидо никогда не бывает простого удвоения элемента, характерного для гомеостазного объектного отношения. Я не только вижу другого, я вижу, что он меня видит, а это подразумевает и третий элемент: он знает, что я его вижу. Круг замкнулся. В двойственной структуре самости всегда имеется три элемента, даже если все три не присутствуют отчётливо, и тогда третьим элементом молчит речь, её структурирующая: субъект, объект-субъект и признание, договор между ними.

Объектное отношение, созданное потребностью гомеостаза, Я-либидо характеризуется двумя элементами: потребностью и объектом её удовлетворения; желание, созданное требой, конечная цель которой стать связующим звеном в цепи человеческого рода, объектное либидо характеризуется тремя элементами: желанием, Вещью, вокруг которой строится данное желание, а также именем этой Вещи или этого желания, произносимым субъектом при получении разрешения.

Человек есть Тело и его Душа, соответственно, жизнь индивида разложима на телесное бытие: животное существование, случайную сущность, условно, характер (проявляемое харак-

тером, но характером не являющееся) и духовное бытие: духовную жизнь, истинную сущность, призвание; и на бытовом уровне гомеостаз описывается словом «быт» и питается исключительно в среде обитания, тогда как желание является реализацией бытия, которое питается в среде обитания и реализуется в среде окружения.

Если субъекту не удаётся озвучить своё желание, наступает невроз.

Что такое перверсия? Она не является лишь отклонением в отношении социальных критериев, аномалией, противоречащей добропорядочным нравам (хотя такой регистр и не отсутствует), или же атипией в отношении естественных критериев, то есть более или менее серьёзным нарушением репродуктивной цели близости. Уже в самой своей двойственной самостной структуре она представляет собой нечто совершенно иное.

Не случайно говорят, что определённые склонности к перверсии происходят от желания, которое не решается назвать своего имени, не решается осенить себя разрешением. Перверсия и вправду располагается на границе регистра признания-именования: в доэдиповой ситуации цензура сверх-Я не пропускает имя, усиливая нагрузку противогрузкой, из-за чего и происходит фиксация перверсии, стигматизация её как таковой – превращение в Вещь невроза, поддерживаемого бассейном либидо. Структурно перверсия, в том виде, в каком мы очертили её единственно в плоскости воображаемого, всегда имеет статус очень непрочный, который изнутри ежесекундно субъектом оспаривается: во взгляде терзаемого мной существа я должен поддерживать моё желание посредством ежесекундного вызова, и если желание не выше ситуации, если ему нечем гордится, – оно провалится со стыда: когда садисту нечего предложить мазохисту, игра прекращается. Из-за отсутствия признания в символической плоскости перверсия всегда хрупка, готова опрокинуться, измениться в свою противоположность; это свойство её напоминает эффект перемены знака в тригонометрических функциях, графики которых периодически пересекают ноль – в момент перехода от одного значения переменной к значению, непосредственно следующему за первым, коррелирующая величина меняет плюс бесконечность на минус – для того, кого застигают за подглядыванием, вся окраска ситуации моментально меняется с плюс бесконечности: радости от возбуждения, на минус: стыд от признания его Я чистой Вещью – маньяком.

Это основополагающее непостоянство однобокого, перверсивного, воображаемого самостного отношения, которому не удаётся преодолеть зов самости и получить признание – подписать акт о заключении брака, брачный договор, в результате чего не удаётся установиться ни в каком удовлетворительном действии, являет собой одну сторону драмы гомосексуальности. Но именно такая однобокая структура и придаёт перверсии её ценность, возводя её в идеал Вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.